

10. Alldeutsche Blätter. – 1894–1907.
11. Deutsche Geschichte: Von den Anfängen bis zur Wiedervereinigung / Hrsg. von M. Vogt. – Stuttgart, 1991.
12. *Holborn H.* A History of Modern Germany, 1840–1945 / H. Holborn. – Princeton, 1982.
13. *Plat W.* Deutsche und Polen. Aus der Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen / W. Plat. – Köln, 1980.
14. *Wehner S.* Alldeutsche Verband und die deutsche Kolonialpolitik der Vorkriegszeit / S. Wehner. – Berlin, 1935.
15. *Zimmer O.* Nationalism in Europe, 1890 – 1940 / O. Zimmer. – New York.

УДК 323. 22: 398. 23 (47 + 57)

Роль подтекста в советских политических анекдотах

Еремеева Екатерина

Еремеева Катерина. Роль підтексту в радянських політичних анекдотах. Стаття присвячена визначенню ролі підтексту в радянських політичних анекдотах. Описана методика визначення рівня підтексту в політичних анекдотах. Простежені його зміни за часів існування радянської влади, зроблена спроба дослідити, коли розповсюджувачі політичного фольклору кодували інформацію в анекдотах найбільш ретельно. Визначені ймовірні причини змін рівня підтексту в радянських політичних анекдотах. Виявлені загальні закономірності в процесі змін рівня підтексту в радянських політичних анекдотах.

Еремеева Екатерина. Роль подтекста в советских политических анекдотах. Статья посвящена определению роли подтекста в советских политических анекдотах. Описана методика определения уровня подтекста в политических анекдотах. Прослежены его изменения во времена советской власти, сделана попытка исследовать, когда распространители политического фольклора кодировали информацию в анекдотах наиболее тщательно. Определены вероятные причины изменений уровня подтекста в советских политических анекдотах. Виявлені общі закономірності в процесі змін рівня подтекста в советских политических анекдотах.

Yeremeeva Katherine. A role of the subtext in the Soviet political anecdotes. The paper is devoted to definition of a role of the subtext in the Soviet political anecdotes. The methodology of subtext level test in political anecdotes is described. The variations of subtext level during existence of the Soviet authority are traced. The attempt of study when the disseminators of political folklore coded the information in jokes most carefully. The probable causes of variations of subtext level in the Soviet political anecdotes are detected. The general regularities during the process of the variations of subtext level in the Soviet political anecdotes.

В о времена существования советской власти заметным явлением стало распространение политических анекдотов. До сих пор не существует четкого определения, что такое политический анекдот. В этом исследовании под политическим анекдотом мы будем подразумевать жанр городского фольклора, короткий юмористический рассказ с неожиданным концом, основной сюжет которого касается сферы политики.

Политический анекдот стал частью повседневной культуры советских граждан [9, с. 352] и одним из способов выражения протеста против разницы между декларируемым и реальным [8], недовольства властью, установленными ими порядками [11, с. 144]. Таким образом, по теории повседневного сопротивления Дж. Скотта [26, с. 13], политический анекдот в СССР можно считать «оружием слабых», распространенном в традиционно авторитарных обществах, где практиковалась репрессивная политика в отношении протестующих [26, с. 14]. Политическое инакомыслие кодировалось в анекдотах с помощью использования в них так называемого латентного текста, то есть пласта подтекста («тайные послания» по Дж. Скотту). Подтекст – это не выраженный явным образом, отличный от непосредственно воспринимаемого при чтении фрагмента текста смысл, восстанавливаемый читателем (слушателем, адресатом) на основании соотнесения данного фрагмента текста с предшествующими ему текстовыми фрагментами, как в рамках данного текста, так и за его пределами – в созданных ранее текстах («своих» или «чужих») [20] или на основании полученного опыта.

Целью данного исследования является: 1) определить уровень подтекста в советских политических анекдотах, проследить, как на протяжении существования советской власти он менялся, т. е. когда распространители политического фольклора кодировали информацию наиболее тщательно, 2) выявить причины этого, 3) вывести общие закономерности. Следует сказать, что в неполитических анекдотах также присутствует значительный пласт подтекста, и сам неполитический фольклор в некоторой степени также может выступать в качестве повседневного сопротивления (например, зять повседневно с помощью анекдотов сопротивляется теще). Однако, в политических анекдотах уровень подтекста больший, а повседневное сопротивление с помощью

политического фольклора носило во времена советской власти более массовый характер (тещи у тебя может и не быть, а вот власть над тобой всегда будет). Описанная ниже методика выявления подтекста и интерпретация результатов может быть применена и к современному политическому фольклору для определения атмосферы в обществе, уровня авторитета современных представителей власти и др.

До сих пор исследования подтекста в анекдотах предпринимались лишь лингвистами [22]. Несмотря на предпринимавшиеся попытки использовать советский политический анекдот как исторический источник [см. напр.: 3; 4; 9; 15; 17], попытки вычисления и интерпретации подтекста в советских политических анекдотах для получения нового исторического знания нам неизвестны.

Источниковую базу исследования составляют источники личного происхождения (мемуары [23] и дневники [7], содержащие советские политические анекдоты, материалы устной истории, личные коллекции анекдотов [16]), сборники советских анекдотов, изданных после 1991 г. [5; 10]), собранные в специальную базу данных.

Из базы данных (далее БД), содержащей 2175 советских политических анекдотов, с помощью программы MS Access были выбраны анекдоты, посвященные генсекам СССР – лицам власти, воплощению определенных эпох истории Советского Союза. Проблема выборки заключается в том, что генеральная совокупность не известна, поэтому процент репрезентативности собранных в базу данных анекдотов вычислить практически невозможно.

Для определения уровня подтекста в текстах выше обозначенных анекдотов были построены их идейные семантические структуры (см. прил. 3). Идейная структура анекдота – это соединение его буквальной семантической структуры (то, что слышит человек, не понимающий «соль» анекдота, см. доп. 1) и смысловой [18, с. 3] («соль» анекдота [25, с. 438], см. доп. 2). Для вычисления уровня подтекста в анекдоте используется формула на определение коэффициента семантической связности текста [22, с. 122] (параметр, характеризующий уровень монолитности, спаянности текста). Коэффициент полностью семантически связанного текста без подтекста равен единице. Соответственно, чем меньше коэффициент семантической связности, тем выше уровень подтекста [22, с. 126].

где n – число объектов, семантически связанных между собой (например, см. доп. 4, объекты «Ленин» и «ЦК» ситуативно семантически связаны), m – общее количество объектов в структуре.

$$C = \frac{2n}{m(m-1)}$$

Таким образом было обработано 402 датированных анекдота из БД. Результаты на хронологической шкале для наглядности расположены в зеркальном отображении, соответственно: чем выше коэффициент – тем выше уровень подтекста (см. прил. 4).

Полученные результаты показали, что семантическая связность в советских политических анекдотах, посвященным генсекам СССР – довольно низкая (в среднем – 0,44). Это указывает на то, что уровень подтекста в этих текстах – выше среднего. Наибольший средний уровень подтекста – в анекдотах, посвященных И. В. Сталину; далее – в порядке убывания: Н. С. Хрущеву, Ю. В. Андропову, К. У. Черненко, В. И. Ленину, Л. И. Брежневу и самый низкий уровень подтекста в среднем в анекдотах, посвященных М. С. Горбачеву. Между тем, если брать во внимание не усредненные результаты, то можно отметить значительные колебания уровня подтекста в анекдотах про каждого генсека (от 0,1 до 0,9) (см. прил. 4). Поэтому для определения общих и частных тенденций необходимо интерпретировать результаты по каждому генсеку.

Уровень подтекста в анекдотах про В. И. Ленина начинает расти с 1917 г., а с момента его смерти падает (см. прил. 4). Это можно объяснить тем, что сначала населению было присуще усиление амбивалентности чувств по отношению к новой власти в лице В. И. Ленина: страх и, одновременно, уважение начинают расти среди населения. Освоившись более-менее с новой властью, распространители политического фольклора начинают совершенствоваться в создании «тайных посланий» и уже с большим успехом кодируют роптание на огрехи в государственном строе. Смерть политического лидера, по-видимому, постепенно сняла необходимость в подобных ухищрениях в отношении высказывания своего мнения с помощью анекдотов о В. И. Ленине (примерно до 1961–1964 гг. уровень подтекста в анекдотах про В. И. Ленина остается самым низким). На фоне появления анекдотов про нового генсека – И. В. Сталина, подтекст в анекдотах про В. И. Ленина, как будто за своей ненадобностью, начинает сводиться к минимуму.

Примерно с 1925–1927 гг. доминирующим персонажем в политических анекдотах, как уже было сказано, становится новый генсек – И. В. Сталин. По мере развития политической борьбы внутри партии, где выигрывает новый лидер, развертывания новой политической программы и ужесточения репрессивных действий по отношению к инакомыслящим, начинает стремительно расти средний уровень подтекста в анекдотах про В. И. Сталина, причем стартовым показателем этого роста стал уже достигнутый в анекдотах про В. И. Ленина высокий уровень подтекста. Однако, наряду с массивом анекдотов про нового генсека, где уровень подтекста высокий, есть анекдоты про голод и репрессии, где иносказания практически нет. Согласно исследованию К. Лоренца [14], подобный открытый смех по своим функциям схож с открытой агрессией, не приводящей, однако к конфликту. Подобная агрессия может быть вызвана шоком от происходящего или огромным страхом. В данном случае, когда анекдоты посвящены генсеку, причиной страха есть сам правитель, воспринимающийся источником репрессивной политики. Так можно объяснить первый период перепадов уровня подтекста в анекдотах (примерно с 1930 до 1934 гг.). Примерно с 1934 по

1937 г. анекдоты без иносказания начинают становиться редкостью, и уровень подтекста становится стабильно высоким, что объясняется тем, что шок от происходящего прошел. Однако, примерно с 1937 до 1940 гг. на фоне роста среднего уровня подтекста в анекдотах про И. В. Сталина заметен новый период перепадов. Эта тенденция объясняется тем, что дальнейшее усиление репрессивной политики в этот период достигло такого предела, что создатели политического фольклора были вынуждены либо применять высшую степень иносказания, либо вообще его не использовать (уж если и так нельзя высказывать свою точку зрения в каком-либо виде, то зачем вообще говорить намеками?). Более того, рядом с тонкими политическими анекдотами появляются такие, где генсек изображен безрассудным убийцей, кровожадным маньяком.

К началу 1940-х гг. уровень подтекста опять стабилизируется и начинает стремительно расти и доходит к началу 1950-х гг. до недостижимого уровня (в анекдотах про следующих генсеков иносказание кодировалось не настолько старательно). Это может свидетельствовать о том, что создатели анекдотов уже усовершенствовались в практике повседневного сопротивления и приспособились к еще большему идеологическому диктату. Смерть генсека, казалось бы, должна была снять подобное напряжение в обществе, однако и с кончиной И. В. Сталина уровень подтекста в анекдотах, где он главный персонаж, продолжает расти. Можно было бы предположить, что подтекст рос по инерции (слишком большой «разбег» был взят в общении намеками). Однако если сопоставить среднюю силу действия Сталина-персонажа (параметр, демонстрирующий уважение к прототипу персонажа среди распространителей фольклора) [24; с. 143] и уровень подтекста, то мы видим противоположную картину: сила действия Сталина-персонажа стремительно падает. В анекдотах этого времени Сталина перезахоранивают, обливают грязью, присваивают обидные прозвища – словом создается впечатление мести генсеку распространителями фольклора за пережитый страх с помощью «оружия слабых». Тогда почему уровень подтекста растет? Тенденцию отчасти можно объяснить инертным ростом (страх к правителю оставался и после его смерти). Кроме того, впервые у распространителей анекдотов возникает возможность поиграть в секретность и опасность, когда для таковых уже меньше причин. Подобная «игра» в начале 1950-х гг. была возможна только с мертвым генсеком и опять-таки с применением иносказания.

После смерти одного генсека внимание создателей политического фольклора обращается на нового – Н. С. Хрущева. Начало его жизни в анекдотах связано с предыдущим генсеком (обыгрывается свержение культа личности, перезахоронение И. В. Сталина и пр.). Уровень подтекста в анекдотах про Н. С. Хрущева, как при участии в них И. В. Сталина, так и без него, практически равен подтексту в анекдотах про предыдущего генсека, т.е. очень высокий. Подобное можно объяснить полученным опытом распространителей политического

фольклора, который заключался в том, что слово «генсек» означало, грубо говоря, «страшный». Следовательно, правление И. В. Сталина подготовило основание для безусловного уважения и чувства опасности со стороны любого нового генсека. До начала 1960-х гг. уровень подтекста в анекдотах про Н. С. Хрущева стремительно падает и продолжает снижаться до 1965 г. Тенденция к падению наблюдается и в силе действия Хрущева-персонажа. Можно сделать вывод, что, ощущая инерционный страх и уважение к новому генсеку после предыдущего репрессивного периода, распространители политического фольклора довольно быстро ощущают перемены к послаблению идеологического диктата в атмосфере общества. Постепенно Н. С. Хрущев перестает восприниматься как источник репрессивной политики против инакомыслящих, следовательно, уже не внушает страх, следовательно, не внушает уважение. В анекдотах, посвященных Н. С. Хрущеву, уровень подтекста падает без колебаний, а отсутствие иносказания связано не со страхом, шоком или усиленной репрессивной политикой, а с открытой насмешкой, состоящей в обзывании генсека «свиньей», «жопой с ушами» и пр. Следует отметить, что подобные прозвища относились к Н. С. Хрущеву практически с самого начала его правления, однако, к середине 1960-х гг. они стали непременным условием смехового эффекта. Очевидной стала разница между предыдущим генсеком и нынешним. Нельзя не отметить того феномена, что в анекдотах середины 1960-х гг., посвященных И. В. Сталину, уровень подтекста все равно остается высоким.

Страх и уважение к Н. С. Хрущёву настолько упали, что автоматически подобное отношение к правителю СССР перенеслось на Л. И. Брежнева, занявшего пост генсека. Во многом это связано опять-таки с тем, что новый генсек-персонаж политического фольклора первоначально был участником в анекдотах, посвященных смещению Н. С. Хрущева. Уровень подтекста в этих анекдотах небольшой (главный персонаж – предыдущий генсек), однако сила действия Брежнева-персонажа довольно высокая (он выступает как сместивший надоевшего правителя). Однако, со временем, внимание создателей анекдотов полностью переключается на Л. И. Брежнева и начинается безусловное уважение и страх к новому генсеку, ставшее, возможно, наследием 1930-х гг. Это отражается на том, что уровень подтекста растет. Впрочем, незначительно, – свидетельство того, что это безусловное уважение к новому правителю уже не ярко выражено. Об этом также свидетельствует последующее постепенное снижение уровня подтекста, совпавшее с уменьшением силы действия Брежнева-персонажа. Причина заключается в том, что генсек опять перестал ассоциироваться с источником репрессивной политики к концу своего правления.

Для полного описания периода правления Брежнева следует проследить тенденции, связанные с существованием в политических анекдотах еще двух персонажей: И. В. Сталина и В. И. Ленина. Уровень подтекста в анекдотах с участием И. В. Сталина наконец, начинает снижаться, а сила

действия – наоборот, стремительно увеличиваться. И то и другое происходит примерно в конце 1970-х – начале 1980-х гг. В это время уже стирается память об И. В. Сталине, как об источнике репрессивной политики, вызывающей огромный страх (речь идет, возможно, о поколении, которое не было в зрелом возрасте в 1930-е гг.). Кроме того, в некоторых анекдотах, еще с конца правления Н. С. Хрущева И. В. Сталин в политическом фольклоре выступает как единственный правитель, который жесткостью может в нынешней ситуации навести порядок.

Уровень подтекста в анекдотах про В. И. Ленина и сила действия его как персонажа увеличиваются. Это объясняется новой жизнью в анекдотах В. И. Ленина, связанной с сопротивлением населения официальной идеологии, которая в это время начала преподносить В. И. Ленина не как историческое лицо, политического деятеля, а как искусственного идола с целым набором штампов. Отныне вождь революции ассоциировался еще больше с официальной идеологией и агитацией (одним из видов «оружия сильных») и поэтому вызывал на себя еще более усердное повседневное сопротивление в виде кодировки информации в анекдотах про него. Именно в анекдотах про В. И. Ленина этого периода (также некоторым образом про И. В. Сталина и Л. И. Брежнева) подтекст иногда скрывался не в самих анекдотах, а в интонации, с которой они произносились, в пародировании характерных жестов, мимики и интонации генсека, даже в ситуации, в которой анекдот рассказывался. Этот подтекст, естественно, восстановить достаточно трудно, опираясь исключительно на тексты анекдотов. Однако его можно отчасти восстановить по материалам устной истории.

С приходом к власти Ю. В. Андропова уровень подтекста в советских политических анекдотах заметно повышается (наравне с понижением подтекста в анекдотах про умершего Л. И. Брежнева и И. В. Сталина). На протяжении практически всего его правления уровень подтекста стабильно высокий без перепадов и снижается (довольно резко) только после его смерти. Возможно, не столько репрессии, сколько их ожидание от «человека из КГБ» у власти заставляло распространителей анекдотов усиленно кодировать информацию в фольклорных текстах. С другой стороны, ожидаемые репрессии были поводом для новой «игры в секретность». Результатом этого стали самые лучшие экземпляры неподцензурной сатиры за все время существования СССР: лаконичные, тонкие, с высоким уровнем подтекста. Например:

– Какую музыку любит Андропов? – Камерную [10].

Смерть Ю. В. Андропова стала причиной стремительного падения уровня подтекста в анекдотах, посвященных этому генсеку. Сила действия Андропова-персонажа также стремительно падает после его смерти. После 1984 г. начали обыгрываться ухудшенное состояние здоровья генсека перед смертью, его преклонный возраст и, наконец, сами похороны. Именно в анекдотах, посвященных похоронам Ю. В. Андропова и появляется новый главный персонаж в политическом

фольклоре – К. У. Черненко. Этому генсеку посвящено наименьшее количество политических анекдотов, особенно тех, где К. У. Черненко – уважаемый политический деятель, сила действия которого на довольно высоком уровне. Практически сразу новый генсек изображается в анекдотах большим беспомощным человеком. Из-за кратковременной популярности анекдотов про К. У. Черненко мы можем ориентироваться только на усредненные показатели. Учитывая то, что средняя сила действия Черненко-персонажа самая низкая среди всех персонажей-генсеков, а средний уровень подтекста довольно высокий (даже по сравнению Л. И. Брежневым, М. С. Горбачевым), можно сделать вывод, что авторитет нового генсека среди распространителей политического фольклора практически сразу был на низком уровне, однако атмосфера «игры в секретность» в обществе постепенно угасая еще сохранялась со времен правления Ю. В. Андропова.

Все правление М. С. Горбачева уровень подтекста стремительно падает, причем отправной точкой для этого падения стал наименьший уровень подтекста в анекдотах про Ю. В. Андропова и К. У. Черненко. Более того, политических анекдотов вообще становится все меньше и меньше. К 1991 году уровень подтекста и количество политических анекдотов снижаются до самых низких показателей. Следовательно, распространителям политического фольклора с каждым годом становится все менее необходимо иносказание и намеки для передачи друг другу своего роптания относительно государственного строя. Этому могут быть две причины: либо государственный строй и существующее положение вещей начали устраивать граждан СССР, что исключает роптание и необходимость иносказания, либо роптать уже было не страшно. Опасность для распространителей политических анекдотов может миновать, если, как уже было сказано, не проводится репрессивная политика против инакомыслящих. Недоверие к политике гласности хоть и вызвало недоверие среди распространителей политических анекдотов (это отображено в самих анекдотах), однако стремительно снижающиеся уровень подтекста и количество анекдотов очевидно свидетельствуют о значительном послаблении идеологического диктата.

Вычисление среднего уровня подтекста по каждому году дает возможность построить график, который охватывает анекдоты про всех генсеков, следовательно, наглядно демонстрирует уровень идеологического диктата, реакцию на него распространителей политического фольклора, т. е. атмосферу в обществе на протяжении всего существования СССР (см. прил. 4). Мы видим, как уровень страха и уважения к правительству повышается с 1917 года, достигает своего пика примерно к смерти И. В. Сталина, затем падает, во время правления Ю. В. Андропова вновь повышается и после него стремительно падает до очень низкого уровня к 1991 году.

Таким образом, рассмотрев тенденции в колебании уровня подтекста в политических анекдотах на протяжении правления каждого генсека, можно вывести общие закономерности, обнаружить исключения:

- уровень подтекста в политических анекдотах повышается тогда, когда необходимо иносказание для высказывания своего недовольства относительно существующего режима. Свое недовольство скрывают, когда проводится репрессивная политика против инакомыслящих. Следовательно, высокий уровень подтекста в политических анекдотах говорит о страхе и уважении распространителей политического фольклора к власти, источнику этой репрессивной политики.
- уровень подтекста повышается тогда, когда распространители политических анекдотов получают возможность «поиграть в секретность», когда репрессивная политика ослабевала, но память о ней оставалась (некоторое время после смерти И. В. Сталина), либо в обществе присутствовало ожидание репрессивной политики (как во времена Ю. В. Андропова); также с середины 1970-х до середины 1980-х гг. высокий уровень подтекста можно объяснить тем, что распространители политического фольклора совершенствовались в создании политических анекдотов;
- уровень подтекста в политических анекдотах понижается, когда в иносказании нет смысла. Подобное наблюдается либо при ослаблении репрессивной политики против инакомыслящих (например, «Оттепель» во времена Н. С. Хрущева и «Гласность» во времена М. С. Горбачева), либо при достижении в репрессивной политике такого уровня, когда в иносказании также нет смысла (если вообще нельзя иметь свою отличную точку зрения, так зачем тогда говорить намеками? – подобное наблюдалось с 1937 по 1941 гг.);
- очень низкий уровень подтекста в политических анекдотах также наблюдался, когда в обществе присутствовали шок и огромный страх от происходящего. Подобное наблюдалось с начала правления И. В. Сталина до 1934 года.

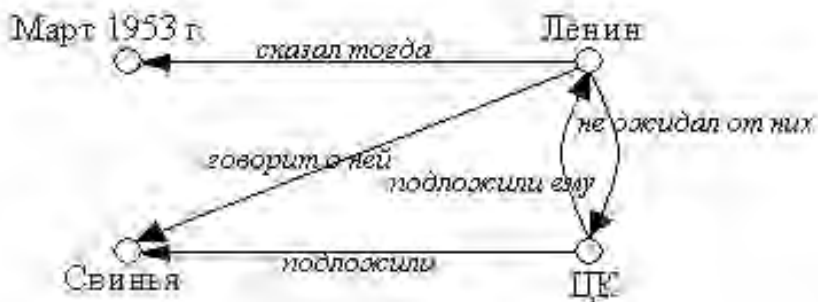
Литература

1. *Александрова Е.* Перевод анекдота: проблемы адекватности и эквивалентности (на материалах французских и русских анекдотов): Дисс. канд. филолог. наук.: 10.02.20 / Е. Александрова. – М., 2005.
2. *Апресян Ю.* Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Апресян. – М., 1974.
3. *Архипова А.* От «Кобочки» до Путина / А. Архипова, М. Мельниченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2008/02/15/anekd.html> / Доступ: 28.08.2008.
4. *Архипова А.* Ранние анекдоты о Сталине: материалы к систематизированному собранию (1925–1940) / А. Архипова, М. Мельниченко // Вестник РГГУ. – Литературоведение. Фольклористика. – № 9. – М., 2009. – С. 271–352.

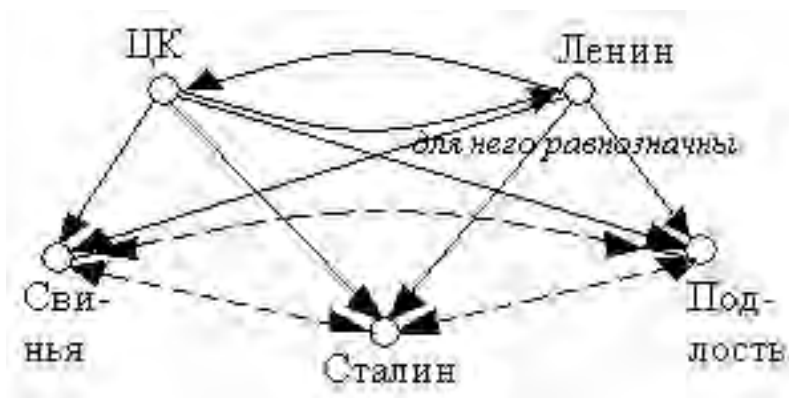
5. *Борев Ю.* XX век в преданиях и анекдотах: в 6 кн. Кн. 3, 4 / Ю. Борев. – Харьков, Ростов н/Д, 1996.
6. *Грицай Е.* Украина: национальная идентичность в зеркале Другого / Е. Грицай, М. Николко. – Вильнюс, 2009.
7. *Сфремов С.* Шоденники, 1923–1929 / С. Сфремов. – К., 1997.
8. Интервью с Шильманом Михаилом Евгеньевичем // Личный архив автора. – Ан. 010.
9. Кабанов В. Источниковедение советского общества: Курс лекций / В. Кабанов – М., 1997.
10. Киевская городская библиотека / Сост. М. Мошков. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.misto.Kiev.ua/htm>. Доступ: 28.08.2008.
11. *Карасик В.* Анекдот как предмет лингвистического изучения / В. Карасик // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 144–153
12. *Колшанский Г.* Контекстная семантика. Изд 2-е, стереотипное / Г. Колшанский. – М., 2005.
13. *Курганов Е.* Анекдот как жанр / Е. Курганов. – СПб., 1997.
14. *Лоренц К.* Агрессия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/PSIHO/LORENC/agressiya.txt> Доступ: 20.04.2010
15. *Мельченко М.* Анекдоты про Ленина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/analytics/2007/04/22/aneddoty.html/>. Доступ: 28.08.1008.
16. *Мельченко М.* Советские анекдоты из коллекции Н. В. Соколовой (1926 год) / М. Мельченко // Живая старина. – 2007. – № 4. – С. 34–56.
17. *Моржковский О.* Анекдоти про Брежнева в Україні. [Электронный ресурс]. – Режим доступу: <http://www.obozrevatel.com/news/2006/12/15/149039.htm/>. Доступ: 21.02.2009.
18. *Москин Н.* Теретико-графовые модели структуры фольклорных текстов, алгоритмы поиска закономерностей и их программная реализация. Автореф. дисс. канд техн. наук / Н. Москин. – Петрозаводск, 2006.
19. *Неклюдов С.* Происхождение анекдота: «муха-цокотуха» под судом советских вождей / С. Неклюдов // Вестник РГГУ. – Литературоведение. Фольклористика. – № 9. – М., 2009. – С. 259–269.
20. Подтекст // Онлайн энциклопедия «Кругосвет». – Гуманитарные науки. – Лингвистика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/PODTEKST.html/. Доступ: 20.04.2010
21. *Сидорцов В.* Методология истории: количественные методы и информационные технологии: Учебно-методологическое пособие для вузов / В. Сидорцов – Минск, 2003.
22. *Скороходько Э.* Семантические сети и автоматическая обработка текста / Э. Скороходько. – К., 1983.
23. *Шитц И.* Дневник «Великого перелома» / И. Шитц. – Paris, 1991.
24. *Шишко К.* Образ Л. И. Брежнева в радянських політичних анекдотах / К. Шишко // Актуальні проблеми світової та вітчизняної історії: Збірник наукових праць. – Харків, 2009. – Вип. 12. – С. 140–150.
25. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Ярцева. – 2-е изд. – М., 2000.
26. *Scott J.* Domination and the art of resistance: hidden transcripts / J. Scott. – New Haven, 1993.

Приложения

Ленин в марте 53-го года сказал:
«Никогда не думал, что ЦК подложит мне такую свинью»

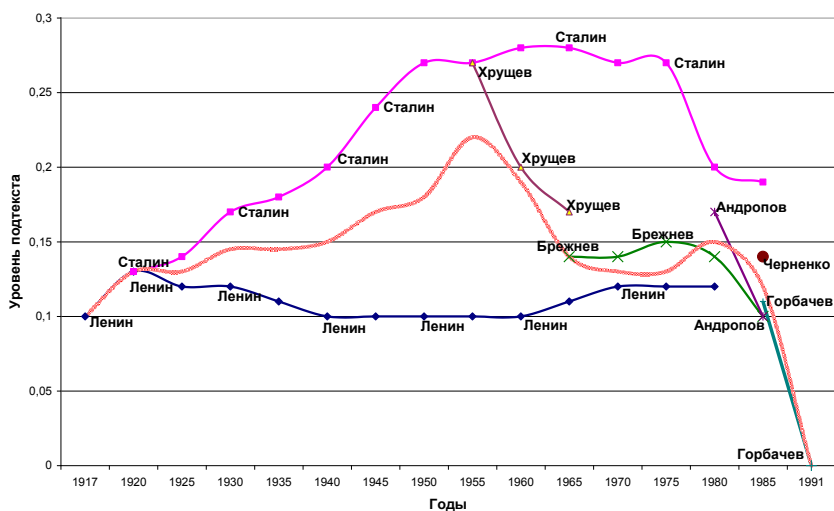
Приложение 1. Буквальная структура анекдота.

Приложение 2. Смысловая структура анекдота.

Приложение 3. Идейная структура анекдота.

Приложение 4. Уровень подтекста в анекдотах про генсеков СССР.